

— Лунлун сказал, что, когда он занимался сельским хозяйством, оставлял ребёнка на дереве греться на солнце, но по невнимательности его унёс горный орёл.

Хэ Буцзуй: [...] Какой же он беспечный отец.

— Супруги из-за этого постоянно ссорились, и в конце концов женщина ушла из дома и больше не вернулась.

Хэ Буцзуй вздохнул:

— Неудивительно, что Патриарх сказал, что нашёл меня, когда хотел съесть яйцо орла, и удивился, как в гнезде оказался ребёнок...

Слава Будде, что тот господин не счёл его особым видом и не сварил.

Тан Гули широко раскрыл глаза:

— Значит, ты и вправду Тан Ляньцзюэ?! Такой бесчестный и бестолковый человек оказался моим двоюродным братом? Фу, как же противно!

Хэ Буцзуй с болью кивнул. Бедный его мозг, почему он столкнулся с такой сложной задачей? Наверное, он просто неправильно родился...

Нет, неправильно грелся на солнце.

— И что ты собираешься делать? Убьёшь Чи Юэ, чтобы отомстить за своего отца?

Хэ Буцзуй с трудом подумал и покачал головой:

— Я... не знаю. Чи Юэ спас мне жизнь и вырастил меня, но он же убил моего отца и уничтожил наш клан. Разве это так просто — убить или не убить?

Тан Гули усмехнулся:

— Хо-хо, действительно, верный пёс Чи Юэ, преданность восхищает.

Хэ Буцзуй сжал кулаки:

— Если подумать, я с детства воспитывался Патриархом, вернее, рос сам по себе, и не помню своих настоящих родителей. Даже если я знаю, что этот человек мой отец, максимум, что я могу сделать, — это не убивать его. Что касается Секты Тан... Я никогда не жил в Крепости семьи Тан, и мой отец давно покинул клан. Долги между Сектой Врат Преисподней и Крепостью семьи Тан меня не касаются.

— Ты так легко от всего отмежевался! Но ты должен понимать, что твой отец был убит Чи Юэ за попытку восстановить Секту Тан. В тебе течёт кровь Тан, и ты готов служить врагу?

Хэ Буцзуй усмехнулся:

— Разве Секта Тан могла породить такое бессердечное существо, как ты? Это ты сам только что сказал, верно?

Тан Гули: [...]

Су Юйху встал и с усталым видом подошёл:

— Зачем его мучить? Это просто стечение обстоятельств, никто не виноват.

Виновата только судьба... Чёрт, теперь не с кем будет пить, жарить утку и есть цзяоцзы.

Хэ Буцзуй вытащил меч из ножен на поясе и, глядя на холодный блеск клинка, произнёс:

— Благодарность — это благодарность, месть — это месть. Долг Секты Тан — это твоя забота, как наследника. А я, конечно, отомщу за своего отца...

Су Юйху вздрогнул:

— Положи меч, глупый! Ты что, собрался покончить с собой?

— После того как убью Патриарха, я покончу с собой, чтобы вернуть долг. Благодарность и месть уравновесятся, и я смогу уйти с чистой совестью.

— Чушь! Твой отец разве хотел бы, чтобы ты погиб молодым ради мести? — Су Юйху, что было редкостью, разозлился. — К тому же даже с твоими навыками ты не сможешь убить Чи Юэ. Ты просто зря погибнешь.

— Патриарх уже давно тайно теряет силу. Если застать его врасплох, возможно, я смогу справиться. — Хэ Буцзуй вложил меч в ножны и холодно сказал:

— Я решил, не говори больше.

Су Юйху был в ярости. Этот упрямый характер, который ничем не сломить, и этот ум, который никак не исправить, — прямо копия его отца!

— Тан Ляньцзюэ! — В порыве он не сдержался и выкрикнул:

— Если ты такой умный, почему ты не подумал, что у тебя есть ещё и мать?!

Серебряные змеи танцуют на горах, золотые сливы обвивают бамбук. Красные фонари покрыты инеем, холодные сороки шумят на ветвях.

После праздника Лаба наступает Новый год, и вся Секта Врат Преисподней становится оживлённой и суетливой. Лорды из разных регионов и ученики, находившиеся вне секты, постепенно возвращаются в Долину Лазурных Глубин. Убийцы из всех отделов больше не выходят на задания, а складывают оружие и садятся за столы, кусая кончики кистей, старательно пишут годовые отчёты...

— В марте убил ученика Братства нищих, причина: попал в аварию. В июне убил ученика Школы Императора Пилюль, причина: он посмел потрогать мою задницу. В сентябре убил случайного прохожего, причина: он не позволил мне потрогать его задницу. В октябре... В общем, в этом году работы было много, поэтому прошу предоставить льготы: повышение зарплаты на десять лян, дополнительные пять дней отпуска и три задания с симпатичным напарником...

Ежегодная сдача отчётов была установлена правилом, когда Цзян Мочоу была Главным Мастером. Обычные ученики писали триста иероглифов, внутренние ученики — три тысячи, начальники отделов и лорды — тридцать тысяч, а Мастер Закона — всего три слова: «Прошу уволить».

Хэ, Ху и Хай давно уже превратились в дешёвую рабочую силу, и их работа была связана с высоким риском и низким интересом, например, чистка зубов Вьюнку, стрижка ногтей Сяньхуань и рассказывание анекдотов Патриарху, поэтому они каждый год просили о понижении и переводе, и каждый год им безжалостно отказывали.

Ответ женщины-демона был всегда один:

— Если сможете победить меня, соглашусь.

Три Мастера Закона сразу же падали ниц и не могли встать уже пять лет.

Теперь, когда Главным Мастером стала госпожа, это правило осталось неизменным. Ху Чэдань, глядя на гору документов на столе, широко раскрыл глаза и растерянно почесал голову, не понимая, как эта женщина раньше справлялась с таким объёмом.

Хай Шанфэй тоже был привлечён в качестве помощника. Толстяк, увидев корзины с документами, которые несли в комнату, вспотел и предложил:

— Может, обсудим с госпожой? Раз она установила это правило, то и отменить его может одним словом.

Ху Чэдань постучал трубкой и задумчиво сказал:

— Госпожа хоть и не помнит прошлого, но теперь она больше не вмешивается в дела секты.

Согласится ли она?

— Попробуем, иначе мы будем читать это до следующего года.

Покрутившись в комнате, они всё же решились и, выбрав несколько отчётов, направились в Чертог Жёлтых Источников.

Янь Були провёл два месяца на лечении в Дворе Беспомощности и наконец стабилизировал своё состояние. Чи Юэ, несмотря на возражения, перевёз его в Чертог Жёлтых Источников, аргументируя это так:

— В канун Нового года вся семья должна быть вместе, чтобы привлечь удачу. К тому же посмотрите на его агрессивный вид: он может служить талисманом для дома и защитой от злых духов.

Все сразу поняли, и старейшины кивнули, даже Хуан Баньшань счёл это разумным.

В спальне Янь Були лежал на кровати с серебристо-серыми занавесками, с выражением лица, говорящим «Я всё слышал», и ворчал:

— Патриарх, лучше напишите мне разводное письмо, я предпочёл бы вернуться в свою ветхую хижину.

Чи Юэ усмехнулся:

— Я держу тебя у себя на глазах, чтобы ты не создавал проблем.

— У себя на глазах? У вас что, глаза по всему телу? — Янь Були тоже усмехнулся, скрипя зубами:

— Уже прошло время, равное сгоранию одной палочки благовоний, вам не тяжело?

— Немного.

— Тогда можете слезть с меня?

Чи Юэ недовольно встал с кровати.

Линь Чжэнсюань сказал, что на третьем месяце беременности нельзя заниматься сексом, и, учитывая состояние этой беременности, лучше подождать, пока ребёнок родится и закончится послеродовой период.

Патриарх, посчитав на пальцах, понял, что придётся ждать ещё полгода, и с грустью осознал, что это слишком долгий период воздержания. Он погладил подбородок и повернулся, начав внимательно разглядывать лежащего на кровати...

Чёрт, рот точно не подойдёт, этот парень в любой момент может превратить его в евнуха. Руки тоже не вариант, эти острые когти уже вызывают боль при одном взгляде. Что касается задней части...

Янь Були, почувствовав на себе голодный взгляд, похожий на волчий, съёжился и прижался к стене.

За это время тщательного ухода он заметно поправился, его прежде острые черты лица стали более округлыми, и живот уже начал выделяться. Если он не открывал свой язвительный рот, то с первого взгляда мог сойти за пышную красавицу.

Ладно, лучше подождать, пока этот надоедливый маленький негодяй родится... Чи Юэ наклонился, обнял его за талию и приложил ухо к слегка округлившемуся животу, закрыв глаза и внимательно прислушиваясь.

На самом деле на ранних сроках беременности ещё нельзя услышать шевеление ребёнка, но Янь Були мог только напряжённо лежать, позволяя ему обнимать себя. Не смея произнести ни слова, не смея выпустить ни звука.

В последнее время Чи Юэ часто приходил в Двор Беспомощности, чтобы спать с ним в одной кровати, и хотя он больше не настаивал на том, что считает его Цзян Мочоу, Янь Були всё ещё был в замешательстве, не отвечая на его объятия и поцелуи.

Лишь иногда на мгновение ему казалось, что тот обнимает именно его, а не Цзян Мочоу...

— Ух ты! — Чи Юэ с радостью поднял голову:

— Кажется, ребёнок действительно закричал.

— Извините, это я проголодался.

[...]

У этого беременного сейчас отменный аппетит, он ест почти каждые два часа, так что можно подумать, что он вынашивает обжору. Чи Юэ с сожалением встал и, закатав рукава, спросил:

— Что будешь есть?

— Восемь сокровищ в мясных шариках, суп из ласточкиных гнёзд с лотосом, ростки бамбука, лапша с угрём, облачные ломтики, пирог с лентой, суп из утки с таро, десерт из красной фасоли с миндалём...

<http://bllate.org/book/15303/1352407>